(структуру), что автор мог в нее вносить все находящееся в его поле зрения; «вечное» он мог включать в человеческую перспективу.[17]

Итак, мы возвращаемся к значениям глагольных форм в приведенной цитате. Из анализа парадигматических отношений вытекает, что формы «обретошася», «сожигахуся» имеют значение действия, относящегося к «вечности», в то время как действие глаголов «взял», «держал», «сожгли» этого признака не имеет. Формы «сожгли» и «сожигаху» отличаются не только своим видовым признаком, но и своим временным значением, и их нельзя в тексте взаимозаменить. Их значение определяется еще одним, третьим отношением, что и будет показано в следующем выводе.

3. Желая доказать, что время в некоторых аввакумовских жанрах создает перспективу, мы попытаемся проанализировать в приведенной цитате отношение глагольных форм к другим элементам жанровой структуры. Самым главным для значения глагольных форм является их отношение к рассказчику. Из синтаксического анализа вытекает, что рассказчик — это субъект, но отчасти и объект повествования. Время, охваченное «повестью», является субъективным временем.[18] Оно проецируется на временную ось самого рассказчика. Время потеряло свой наивно объективный характер и стало субъективным, перспективным. Рассказчик стоит посредине между тем, что случилось в прошлом, и тем, что произойдет в будущем. Прошлые его поступки отнесены к моменту рассказа. Действия, обозначенные формой прошедшего сложного времени,[19] целиком — во всех своих периодах — обозримы с позиции рассказчика. Он — свидетель, сообщающий слушателю (читателю), что последствия действий до сих пор продолжаются (взял, держал, сожгли).

Напротив, формы аориста и имперфекта (сожигахуся) выражают качественно отличающееся действие — «безначальное и бесконечное». Данное действие нельзя обозреть с того места, где рассказчик ведет свои наблюдения, так как речь идет о времени «вечности», и оно относится к наблюдателю трансцендентному. Его нельзя измерять человеческим временем, так как оно находится в божественном ведении. Д. С. Лихачев напомнил о формальном принципе древнерусского искусства: предметы на иконах вырисовывались полностью, они не могли пересекаться (стол рисовался сверху, и у него видны были все четыре ноги). В искусстве преобладал закон целостности: «... художественное время не только имеет свой конец и начало, но и известного рода замкнутость на всем своем протяжении».[20]

Время было субстанциональным, оно обладало предметным существованием и как таковое ориентировалось к трансцендентному. Иконопи-

---

[17] Это стремление разгадать, обмирщить «вечное» типично для человека XVII в. вообще и в западной культуре считается признаком барокко (ср.: Zdeněk Kalista. České baroko. Praha, 1941, s. 24—30).

[18] Д. С. Лихачев характеризует понимание художественного времени Аввакумом в его Житии следующим образом: «Субъективность времени, взгляд на прошлое из авторского настоящего, своеобразная перспектива времени, обусловленная появлением индивидуализированной авторской личности» (Поэтика древнерусской литературы, стр. 310).

[19] «По своему значению прошедшее сложное первоначально обозначало, по-видимому, результативность действия, совершившегося в прошлом; ... (оно) представляет результаты его продолжающимися в настоящем. Эта соотносительность перфекта с настоящим, несомненно, выражается и связкой „есть", которая, служа прежде всего выражением лица, все же проецирует прошлое (выраженное причастием) в настоящее, обусловливая наряду с оттенком перспективности, совершенности и оттенок продолжения действия (его результатов), т. е. незавершенности» (Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 242).

[20] Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, стр. 258.